УДК 811

Макерова Сусанна Рашидовна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Адыгейского государственного университета,
e-mail: susanna04@rambler.ru

Makerova Susanna Rashidovna

Candidate of Philology, Associate Prof., Head of Chair of English Linguistics, Adygey State University,
e-mail: susanna04@rambler.ru

ГРАММАТИКА ТЕКСТА - ГРАММАТИКА ДИСКУРСА

Анализируются различные подходы к анализу наибольшей предельной единицы речи на грамматическом уровне. Переход к антропоцентричной парадигме, а, следовательно, к процессам когнитивного характера задал вектор исследованиям на всех уровнях, в частности на грамматическом. Выход за рамки текста (как результата) в дискурс (как процесса) расширил плоскость, сопряженных с текстом явлений. Интерес представляет их текстообразующий потенциал.

Ключевые слова: **сверхфразовое единство, антропоценричная парадигма, текст, дискурс, грамматика текста, грамматика дискурса, текстообразующая функция**

GRAMMAR OF TEXT – GRAMMAR OF DISCOURSE

The paper deals with various approaches to parsing a consummate unit of speech on the grammatical level. Conversion to anthropocentric paradigm and, as a result, to cognitive level' processes set a trend to relevant research studies on different levels and particularly on a grammar one. Overrunning the textual boundaries as an "outcome" (of speech) and intruding discourse as a process has extended the scope of study while introducing the phenomena that have to do with the text. Their text-forming capacity will be of interest to a researcher.

Key words: **consummate unit, anthropocentric paradigm, text, discourse, grammar of text, discourse' grammar, text-forming means.**

В современной науке позиции традиционного словоцентрического языкознания оказались существенно поколебленными. Антропоцентрическая лингвистика, поместившая в центр внимания языковую личность и ее деятельность, неизбежно стала «текстоцентрической», поскольку коммуникация опирается на структурно и когнитивно более сложные единицы, чем слово и даже предложение: homo loquens реализует себя, прежде всего, в создании текстовых произведений. В постструктуралистский период, после выхода языкознания из «добровольной изоляции» и признания его гуманитарного характера, активизировался интерес к «укрупненным» объекта, прежде всего – к тексту.

Статус лингвистики текста как особого перспективного направления в общем языкознании сформировался в 60-х гг. XX века. Несколько позже в многообразной проблематике «лингвистики текста» обозначился особый подход, в рамках которого лингвисты стремились построить формализованную грамматику текста, осуществить моделирование структур текста.

Исследованию такого крупного объекта, как текст, по справедливому замечанию И.Р. Гальперина [2009 : 8], угрожают две опасности: с одной стороны – атомизация фактов, то есть углубление в онтологию составляющих текст единиц, а с другой стороны – глобализация объекта и, следовательно – недооценка роли отдельный элементов, составляющих текст. Как показала история «лингвистики текста», эти две опасности действительно сказались в работах, посвященных соответствующей проблематике. С одной стороны, неясно, имеют ли прямое отношение к «грамматике текста» исследования конкретных словоформ и категорий с опорой на текстовые примеры, поскольку только в контексте (иногда более широком, чем предложение) проявляются важнейшие семантические функции грамматических категорий и их транспозиционные возможности. С другой стороны, неясно, какое отношение к грамматике (и даже лингвистике вообще) имеют исследования текста, где главное внимание сосредоточено на тех элементах, которые традиционно были в ведении поэтики, – на композиции, системе образов и под.

Есть мнение, что лингвистическим исследованиям художественного текста успех сопутствовал только тогда, когда они еще не были зависимы от теоретических проблем определения текста как такового [Лукин, В.А., 2011: 13], то есть тогда, когда осуществлялся анализ традиционных для лингвистики отдельных объектов – словоформы, словосочетания и предложения, но рассматриваемых «на фоне текста». Иная точка зрения состоит в том, что все достижения лингвистики и грамматики текста связаны именно с осознанием этого нового главного объекта лингвистики – текста – и проистекающими отсюда новыми подходами и решениями. Ср., как Г.А. Золотова начинает статью с показательным названием «Роль грамматики в композиции текста»: «Грамматика и композиция в сознании большинства современных филологов числятся по разным ведомствам, так воспринимало их поколение наших учителей, в ряду которых светлые имена Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Л.Г. Щербы, Ю.Н. Тынянова, Б.В. Тома-

шевского и др.» [1999: 131]. Далее, с опорой на описанные в «Коммуникативной грамматике» [Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю., 1998] пять коммуникативных регистров, доказывается взаимная обусловленность грамматики и композиционного строения текста.

Грамматика (особенно – морфология), будучи сферой стандартного и облигаторного, в течение веков мыслилась имманентной системой, слабо соотнесенной как с экстралингвистичекими факторами, так и с эстетическими категориями. При новом подходе внимание сконцентрировалось на тех сторонах грамматических форм, которые ускользали от внимания при формальном описании; ср. работы О. Якобсона, посвященные «грамматике поэзии» [Якобсон Р.,1961 и др.].

Задача грамматики при новом подходе (в рамках грамматики текста) виделась в объяснении смысла текста как целого через анализ составляющих текст языковых структур. Однако по сути большинство работ, постулирующих свою принадлежность к направлению «грамматика текста», сосредоточено на проблемах когезии текста. Получается, что основная грамматическая проблематика в новой парадигме не только не получила новых интерпретаций, но и вовсе была проигнорирована.

В 60-х гг. термин «лингвистика текста» вызывал скепсис, поскольку под сомнением была сама возможность особой интерпретации лингвистических категорий в тексте (по сравнению с их интерпретацией в предложении или сложном синтаксическом целом). Затем был период «текстового бума» с обилием работ, которые, во всяком случае, невозможно было упрекнуть в той изолированности от общей филологии, что была свойственна структурной лингвистике. Вплоть до конца XX в. грамматика текста была одной из самых широко известных, влиятельных и доминирующих теорий. На рубеже XX-XXI вв. наметился кризис: как оказалось, новое направление не оправдало надежд на постижение коммуникативной и функциональной сущности языковых категорий, в описании которых текст по-прежнему играл лишь роль фона. Вместо прояснения семантической и прагматической сущности известных (но остающихся в определенной степени загадочными) реальных грамматических категорий (аспектуальности, темпоральности, квантитативности, квалитативности), лингвистика текста предложила новые «текстовые» категории типа информативности, партитурности, завершенности и проч., которые трудно отнести к сугубо лингвистическим.

В конце 70-х – начале 80-х гг. параллельно с терминологическим сочетанием «грамматика текста» стало активно применяться наименование «грамматика дискурса». В зарубежном языкознании внимание к дискурсу стало естественным следствием неудовлетворенности генеративной лингвистикой: объяснение грамматических феноменов стали искать в анализе дискурсивных практик (Givyn T., 1979, Hopper P., Tompson S.A., 1980 и мн. др.), исходя из того, что грамматическая форма должна быть мотивирована реальным дискурсивным функционированием. Термином «дискурс» акцентировался интердисциплинарный подход к тексту как инструменту и продукту познавательно-коммуникативной деятельности.

Характерно, что этот термин отечественные языковеды последовательно избегают вплоть до конца 80-х годов. Понятие «дискурс» широко вошло в русскоязычную лингвистику под влиянием работы П. Серио «Анализ советского политического дискурса» [Seriot P., 1985]. Обратившись к весьма специфическому виду текста – к отчетному докладу генсека съезду КПСС, П. Серио увидел там специфическое использование языка для выражения особой ментальности и идеологии. Это особое «мировидение» в конечном счете сформировало особую грамматику. К чертам этой «новой» грамматики «тоталитарного дискурса» Серио отнес бесчисленные номинализации (гипертрофированное «нагнетение» девербативов, исключающих акцент на субъекте действия). Исчезновение агенса, в свою очередь, становилось основой бесчисленных манипуляций типа так называемой «лукавой синонимики». Размышляя над сутью подмеченных языковых явлений, Серио делает вывод о том, что они не укладываются в традиционные рубрики типа стиля или жанра внутри стиля. Такие черты не характерны для политического языка в целом. Это особенности, целиком детерминированные общественно-политическими обстоятельствами и поддающиеся объяснению только с учетом широкого экстралингвистического контекста. В дальнейшем, при всех модификациях понятия «дискурса», этот признак – «связь с жизнью» – оставался незыблемым.

Думаем, что «триумфальное шествие дискурса» в отечественной лингвистике определенным образом связано и с общим кризисом функциональной стилистики. Как известно, понятие функционального стиля, введенное в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», не оставило заметного следа в западноевропейской лингвистике. Зато в советском языкознании оно стало краеугольным – легло в основу целого направления «функциональной стилистики».

К.А. Долинин обратил внимание на то, что это направление было популярным в странах «народной демократии» – ГДР, Чехословакии, Польше, то есть понятие и соответствующее научное направление (функциональная стилистика) оказываются четко локализованными в определенном геополитическом ареале. «Пространственное» совпадение не единственное: с конца 80-х гг. функциональная стилистика постепенно сходит на нет, то есть по срокам рамки «эры функциональной стилистики» совпадают с существованием коммунистических режимов. Это «двойное совпадение» привело К.А. Долинина к мысли о том, что функциональная стилистика была определенным образом связана с господствующей идеологией и административной практикой тех лет. Одна из причин «расцвета» функциональной стилистики представляется К.А. Долинину следующим образом: «… в условиях изоляции от мировой науки и, более того, активного противостояния новейшим течениям лингвистической мысли (в частности структурализму) надо было что-то противопоставить «идеалистической буржуазной лингвистике», найти или создать какой-то свой оригинальный продукт для поддержания престижа отечественной науки» [Долинин К.А. 2004 : 610]. Сегодня, когда стало очевидно, что вместо пяти-шести глобальных стилей (существование которых настойчиво доказывалось многочисленными трудами по функциональной стилистике) реально имеется множество речевых жанров (несколько десятков), и изучение динамики этих разнообразных жанров стало неотделимым от понятия «дискурс».

«Дискурс» – один из самых многозначных терминов современной науки, который по разному толкуется в различных сферах гуманитарного знания. В лингвистике наиболее распространенной стала трактовка дискурса как текста в событийном аспекте – текста, погруженного в социокультурный контекст, то есть в реальную жизнь. Д. Кристалл, сравнивая «дискурс» и «текст», указал, что понятие *discourse* фокусирует внимание исследователей, как правило, на живом языке и естественном общении, тогда как *текст* фокусирует внимание на структуре языка, письма, графике [Crystal D., 1987: 116]. Именно поэтому понятие «дискурс» не используется в применении к текстам «мертвых» языков типа латинского и редко используется по отношению к текстам ушедших авторов.

Различие между текстом и дискурсом В.В. Красных [2005: 259]: проводит с помощью метафоры: текст – «готовая картинка», «снимок», «законченный продукт, подвергшийся определенной обработке»; «дискурс – это процесс и то, что его окружает». Текст – это то, что получилось, когда художник (автор) отложил кисть или карандаш. Это может быть рисунок, мгновенный набросок или сложное полотно. Но работа над продуктом завершена, и то, что получилось, начинает жить своей жизнью. Дискурс – это не только и не столько то, что выходит из-под руки автора, но и все наброски на полях, и все зарисовки, и черновики, и сам процесс работы, и мастерская, и сам художник (автор). Соединение интеллектуальных и эмоциональных авторских интенций и читательского впечатления осуществляется на базе текста, поэтому закономерен и первичен интерес именно к тексту. Но, как оказалось, многие текстовые особенности – образы, картины, ситуации – не могут быть интерпретированы без обращения к социокультурным обстоятельствам создания и функционирования текста.

Объем и границы понятия «дискурс» отчетливо проявляются в характерной синтагматике: для термина «дискурс» характерно сочетание с агентивными и генитивными определениями (*публичный дискурс, политический дискурс, дискурс власти, дискурс оппозиции, дискурс инакомыслия, дискурс террора, дискурсы претендентов на власть, дискурс ответственности, дискурс борьбы, предвыборный дискурс, феминистский дискурс, дискурс рынка*). Специфицирующее определение (генитивное или агентивное) указывает либо на физическое лицо, либо на группового агенса социального действия, либо на некоторую социально значимую категорию, которая на поверхности может выступать как предмет обсуждения, но с большим успехом может быть описана как метафорический агенс, передающий некое сообщение своим партнерам по коммуникации – какой-то части общества или всему обществу в целом [Шейгал Е.И., 2004: 15]. В лингвистике стали популярны работы с названиями типа «Дискурс согласия», «Конфликтный дискурс» и под., при этом исследуется в них, прежде всего, сама социальная категория, то есть то, как, например, конфликт проявляет себя в речевых формах.

В определениях дискурса подчеркивается его динамический характер, нередко он определяется через слово *процесс* (как процесс использования языка, детерминированный не только социокультурными обстоятельствами коммуникациями, но также индивидуальными особенностями языковых личностей, участвующих в коммуникации). В палитре мнений относительно категории дискурса есть и резко отрицательные. К «мусорным новомодным словечкам» относил этот термин Н.М. Шанский [2004: 10], скептически высказывался относительно познавательных возможностей этого термина (вследствие его расплывчатости) В.Г. Костомаров

[2005: 42]. Дело осложняется еще и тем, что этот термин попал в разряд «модных[1]», а значит – используемых «всуе», или, как пишут И. Куликова и Д. Салмина [2002: 145], – «для красоты».

Трактовка понятия *дискурс* существенно менялась на протяжении последних десятилетий – в основном, в сторону глобализации. По мысли Ю.С. Степанова, дискурс – это прежде всего совокупность текстов, за которой встает **особая грамматика** [выделено мной. – С.М.], особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете, особый мир. В мире дискурса действуют свои правила истинности, свой этикет. Это возможный (альтернативный) мир[Степанов Ю.С., 1995: 44-45]. Ср. замечание Лариной [2007: 78] о том, что определение дискурса в качестве «альтернативного мира», которое 10 лет назад выглядело как совершенно неожиданное, сегодня превратилось отчасти в «общее место», то есть можно говорить о завершившейся концептуализации термина «дискурс».

Итак, в одном из наиболее авторитетных определений дискурса постулируется его грамматическая специфика («особая грамматика»). Однако, как известно, грамматические значения навязываются говорящему его языком: язык предписывает ему тот или иной выбор, свобода личного выбора крайне ограниченна. Можно ли в таком случае говорить об особой грамматике дискурса, есть ли в самом деле отдельная дискурсивная грамматика? Отчасти на этот вопрос уже ответил (и ответил положительно) П. Серио в указанной работе. Очевидно, в ведении грамматики дискурса должны находиться не общеязыковые стандартные формы и значения, а те, которые характерны для соответствующей дискурсивной практики.

Нередко в грамматических описаниях исходят из того, что грамматическое значение словоформы состоит в значимом остатке после вычета лексического значения, однако более справедливо признание единой гносеологической природы лексического и грамматического значений (различения между ними по степени абстрактности, обобщенности и облигаторности в высшей степени условны). Н.Ф. Алефиренко [1999: 160-163], размышляя о «специфике грамматических денотата и сигнификата», указывает, что грамматический денотат – это выраженная языковыми средствами денотативная ситуация в ее пространственно-временном или классифицирующем измерении. Грамматический сигнификат фиксирует не предметы и не содержание мысли, а категорию, под которую они подводятся. Грамматическое значение оформляет «предметный» материал мысли, выраженный лексическим значением. Грамматический сигнификат соотносится с лексическим как общее с частным, и поэтому содержание отдельного грамматического значения выделяется нашим сознанием гораздо менее отчетливо, чем содержание лексического значения. «Понятийное содержание, заключенное в грамматическом значении, обобщает действительность не «прямо», не извне, а изнутри, пропустив через призму уже сложившейся грамматической системы языка» (там же). Ср. также: «Деривационные значения легко становятся реляционными, и поэтому словообразование соединяет лексику и грамматику» [Иванов Вяч. Вс., 2004: 76]. Сказанное фактически исключает возможность обнаружения дискурсивных особенностей на уровне грамматических (морфологических) форм, но указывает на широкие перспективы для обнаружения дискурсивного влияния в словообразовании и синтаксисе. По сути «грамматика дискурса» (во всех своих наиболее значимых реализациях) – это «семантический синтаксис дискурса». Но, поскольку морфология поставляет «инвентарь» для синтаксических конструкций и выбор формы из парадигмы осуществляется под влиянием не только денотативной соотнесенности, но и дискурсивных факторов (типа «позиции наблюдателя», о которой идет речь, например, в работах Е.В. Падучевой, 2000, О.Н. Ляшевской, 2004 и др.), можно говорить о том, что дискурсивно обусловленными могут быть единицы всех грамматических уровней. Для морфологии это будет «опосредованная обусловленность». При этом «грамматику дискурса» интересует анализ таких социальных факторов, как мнения и установки коммуникантов, их интенции, чувства, эмоции, знания о мире и т.д., причем все эти параметры важны и при порождении, и при восприятии грамматики дискурса.

---

[1] Ср.: «Мода, как категория, отражающая поверхностную (не внутреннюю, духовную) жизнь, и научный дискурс, на первый взгляд, представляются не просто никак не связанными, но антагонистичными феноменами. Однако поскольку модные слова существуют в рамках «культурного кода» и соответствуют «языковому вкусу эпохи», есть возможность говорить и о так называемой «модной» терминологии» [Журавлева Н.Г., 2009: 81]. Далее цитируемый автор вполне обоснованно пишет о том, что заимствование в русскую научную терминологию термина «дискурс», который приобрел все качества «модного» слова, вполне оправданно (хотя бы потому, что однословного исконного аналога ему не существует).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1 Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: «Перемена», 1999.
2 Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3 Долинин К.А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского университета / Гл. ред. Л.А. Вербицкая. – СПб: СПбГУ, 2004.
4 Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему – М.: Языки славянской культуры, 2004.
5 Журавлева Н.Г. Феномен «модного» слова. Монография. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2009.
6 Золотова Г.А. Роль грамматики в композиции текста // Язык, культура, гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999.
7 Золотова, Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: изд-во МГУ, 1998.
8 Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: ГАРДАРИКИ, 2005.
9 Красных В.В. Комплексный психолингвистический анализ текста // Личность в пространстве языка и культуры: Юбилейный сборник. С., – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2005.
10 Куликова И., Салмина Д. Введение в металингвистику. Лингвистическая терминология в коммуникативно-прагматическом аспекте. – СПб: САГА, 2002.
11 Ларина Ю.Е. Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии) Дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2007.
12 Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Ось-89», 2011.
13 Ляшевская, О.Н. Семантика русского числа. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
14 Падучева Е.В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. - М.: Языки русской культуры, 2000.
15 Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: Изд-во АН РФ, 1995. – М., 1995.
16 Шанский Н.М. Русский язык и телевидение сегодня. Рецензия на: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления // Русский язык в школе, 2004, № 5.
17 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис. 2004.
18 Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics, Poetica. Поэтика. Warszawa, 1961.
19 Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambrige: Cambrige Univ. Press, 1987.
20 Givyn T. On understanding Grammar. – N.Y.: Academic Press, 1979.
21 Hopper P., Tompson S.A. Transitivity in Grammar and Discourse. – Language, 1980, 56.
22 Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. – P., 1985. – X1.